

ЭВОЛЮЦИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Концерты Пьера Булеза (в Зальцбурге)
и ансамбля «Фляйш» (в Москве)

Вадим Журавлев

Авангард

ВЫСОКОКЛАССНЫЕ музыканты, специализирующиеся на исполнении музыки новых направлений, не часто «залетают» на бескрайние просторы страны, в которой еще лет десять назад страшились самого слова «авангард». Поэтому в памяти надолго остаются впечатления, связанные с концертами нетрадиционной музыки, многоликость которой порой поражает куда больше, чем разнообразие форм музыки классической. За одним из примеров надо «ходить» далеко, даже на самолете лететь: речь идет о концерте знаменитого ансамбля «InterContemporain» (возглавляемого не менее знаменитым композитором и дирижером Пьером Булезом), выступавшего в программе «Музыка нашего времени» Зальцбургского фестиваля. Слово опровергая мнение корифея советской музыкальной критики Г.Шнеерсона, который писал, что «мышиня возня с конкретной и электронной музыкой проходит мимо широкой публики», огромный соляной амбар в местечке Халляйн в 30 километрах от Зальцбурга был забит до отказа представителями всех поколений и сословий. Новая фестивальная площадка, приспособленная под концертную эстраду лишь два года назад, напичканная техникой и усилителями различных размеров, внушала зрителям благоговейный трепет: сейчас вся эта техника загрохочет одновременно, чтобы раздавить нас своим напором и мощью. Но ничего подобного не произошло: Булез вывел за руку хрупкую японку Риту Хамаду, и вместе они исполнили произведение молодого французского композитора Марка-Андре Дальбави «Seuils» («Пороги») по мотивам стихотворения Ги Лелонжа. Семь частей этой сюиты для голоса и ансамбля из струнных и электронных инструментов, написанных в духе «спектральной музыки», поражают мастерской композицией и оригинальными идеями настолько, что австрийскую премьеру «Seuils» почти присутствием самой знаменитой «спектральной» современности Дьердь Лигети. Большие части этого произведения — нечетные — написаны не без влияния Лигети, хотя и с явной оглядкой на французскую школу авангардистов. Крохотные — четные — части заставляют вспомнить и «Весну священную» Стравинского, и опысы минималистов. Но главное не это, а то, что сюита Дальбави создает настоящее музыкальное настроение, что само по себе ценнее, чем мастерские звуковые трансформации от струнных к ударным. Звук оркестра, хрупкий голос певицы, рассыпавшиеся на мельчайшие частицы ноты, шорохи и всплески воссоединялись в единый звуковой образ: по нему-то, а не по употребленной технике следует судить о мастерстве и таланте композитора. Впрочем, это относится и не только к области додекафонии. Булез безусловно является одним из вершителей судеб современной музыки. И хотя его работы не всегда находят отклик в моей душе, невозможно не отметить гениальность формы и

идей Булеза в его новой песне «...explosante — fixe...», в которой маэстро пытается вернуть в свою музыку некоторые старые традиции (отнюдь не канонические!), «зафиксировав» музыкальные пласты и системы. Произведение это было представлено с участием трех солирующих флейт в исполнении французских музыкантов Софи Шерри, Эммануэль Офель и Пьера-Андре Валаде.

В эти дни вспомнить летние впечатления меня заставил очередной концерт нетрадиционной музыки, проводимый Немецким культурным центром (больше известным под именем Института имени Гёте) и программой «Констрасты» Радио-1. Забитая до отка-

году покидать свои основные «роковые» и «джазовые» места работы и объединяться для концертов и записей в ансамбль со столь откровенным названием. Правда, чувство юмора это слишком своеобразное, музыкантам не мешало бы придумать своеобразный звукоч под названием «здесь надо смеяться» и выдавать его в нужных местах. Ведь несмешным выглядит сам обязательный принцип — «смешивать» все компоненты современного музыкального меню подряд. И если иногда музыкантам удается вонзить «зубы» в самую суть музыки, ее «красную мякоть», истекающую соком истины, то чаще их блюда остаются пресными веге-

Пьер Булез, авангардист.

за студия. Но сколько их, фэнов новой музыки, по сравнению с роком? И почему-то вспоминалась бесконечная вереница автомобилей, желевших припарковаться у соляного амбара в Халляйне. Поражает, с какой настойчивостью и напором Немецкий центр проводит эти концерты, расширяя аудиторию и кругозор постоянных слушателей. На этот раз на гастроли в Архангельск и Москву приехал ансамбль «Фляйш» («Мясо») из Кельна — коллектив, необычный уже тем, что пытается «объять необъятное», объединив в одну композицию рок и поп, джаз и легкую музыку, нетрадиционную музыку и авангард. Влияние Кейджа и Рейха испытывают в первую очередь два главных композитора секстета — его основатель и руководитель Дитмар Бонен и контрабасист Андреас Шиллинг, композиции которых чаще всего играет и записывает на диски «Фляйш». Они же, как и остальные участники секстета — гитарист Гага Дайстлер, саксофонистка Каролине Тон, ударник Томас Герке и виолончелист Мартин Зюстерхен, обладают своеобразным чувством юмора, которое и заставляет их раз десять в

тарианскими пудингами. Чувствуя это, сами музыканты ставят на своих компакт-дисках официальный лейбл «Обст» («Фрукты»). (Мастерство композитора Боннера и Шиллинга не дает оснований для сомнения.) И все же единственный результат, которого музыканты добиваются с легкостью, — это объединение в одной аудитории джазменов и роке-ро, поклонников авангарда. Всем было интересно послушать композиции «нетрадиционалистов», среди которых выделялись пьесы «Понедельник роз» из цикла «Свет» — восьмая часть недописанной оперы Штокхаузена, и «Полифляйш», позволившая ощутить некоторую прелесть фляйшевской полноразмерной «полифонии». В программе прозвучала и композиция, написанная под впечатлением поездки на Соловки.

Выступление ансамбля «Фляйш», как и многих других музыкантов, проповедующих новую музыку, вновь навело на мысль о невозможности остановить музыкальную эволюцию. Под вывесками («исты») и определениями скрывается многоликий авангард.